

НЕЙРОПОЭЗИЯ КАК БАТТЛ ПОЭТИЧЕСКИХ ЯЗЫКОВ

Т. В. Цвигун, А. Н. Черняков

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Россия, 236041, Калининград, ул. Александра Невского, 14
Поступила в редакцию 12.01.2024 г.
Принята к публикации 22.02.2024 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2024-2-7

В статье представлен взгляд на нейросети как на инструмент формулирования и верификации филологических гипотез, связанных с различными аспектами порождения и рецепции художественного текста. Анализируются принципы эстетической коммуникации, в которой благодаря развитию современной техносреды могут на равных участвовать антропный автор, нейросеть и реципиент. Нейропоэзия интерпретируется через метафору «баттла поэтических языков» (в соответствии с конвенциями жанра рэп-баттла) – как коммуникативное поле, в котором антропный и цифровой авторы взаимодействуют как равноправные участники творческого акта, совместно формируя новые предпосылки читательского восприятия художественного текста. «Сотворчество» антропного и цифрового авторов рассматривается в проекции на акторно-сетевую теорию Б. Латура; развивается представление о том, что при взаимодействии человека и нейросети последняя утрачивает чисто инструментальную функцию и приобретает черты субъектности, становится равноправным агентом порождения коллективного эстетического высказывания. Нейропоэзия как результат сотворчества подобного рода характеризуется двойной семиотической природой: одна ее часть есть результат креации антропного автора, вторая же демонстрирует «вторичный поэзис», в котором цифровой автор имитирует процедуры естественного речепорождения. В результате формируется новая, усложненная, модель эстетической коммуникации, дополняющая стандартные позиции коммуникативного акта (автор – текст – читатель) уровнем коммуникативного взаимодействия антропного и цифрового соавторов. Реципиент в ситуации восприятия текста, написанного в соавторстве человеком и нейросетью, вовлекается в сложную интерпретационную игру, активизирующую механизмы эстетической рецепции, а сам акт «нейротворчества» создает новые формы мимезиса, который перестает быть «подражанием миру» и становится «подражанием подражанию».

Ключевые слова: поэтический язык, нейросеть, рецепция, интерпретация, мимезис

Настоящая статья развивает ряд посылок, обозначенных ранее в (Цвигун, Черняков, 2023а; 2023б). Принципиально вынося за рамки рассмотрения проблему эстетической состоятельности нейропоэзии (этот термин мы используем в расширительном смысле – для обозначения любых текстов, порожденных либо собственно нейросетью, либо в коллаборации цифрового и антропного авторов, независимо от их родовой принадлежности) и исходя из понимания «нейротворчества» как симулятивного процесса, лишь опосредованно связанного с механизмами креации в общепринятом толковании, своего рода «вторичного поэзи-

са», мы предлагаем рассматривать нейротексты в качестве инструмента формулирования и верификации филологических гипотез, связанных с различными аспектами порождения (от поверхностных к глубинным структурам) и рецепции художественного текста.

Поскольку результаты «нейротворчества» напрямую зависят, во-первых, от того массива текстов, на которых обучена нейросеть, во-вторых, от заданных программистом параметров, в соответствии с которыми генерируется текст, и, в-третьих, от режима взаимодействия пользователя с нейросетью, возникает необходимость ограничить круг нейросетей, которые могут быть использованы для решения поставленных аналитических задач. Как представляется, наиболее релевантных результатов в этом случае можно ожидать от нейросетей, которые работают, условно говоря, в развернутом диалоговом режиме — генерируют текст не от свободного запроса («Напиши текст на такую-то тему»), а в продолжение конкретного текста-стимула («подводки»), предлагаемого нейросети человеком. Дополнительные преимущества также дают функциональное ограничение массива текстов, на которых обучается нейросеть, областью художественных (то есть авторских, в идеале — с четко выраженными идиостилистическими профилями авторов) произведений, а также возможность задать нейросети те или иные стилистические или дискурсивные регистры.

В соответствии с этим для проведения исследования, результаты которого будут представлены ниже, использовались нейросети «Порфирьевич»¹ и «Балабоба»², а также робот «Яндекс.Автопоэт»³. Тексты, полученные с помощью этих нейросетей, имеют двойную семиотическую природу, это своего рода «кентавры»: одна их часть (текст-стимул, который продолжает «Порфирьевич» или «Балабоба», либо коммуникативные фрагменты типа поисковых запросов или новостных заголовков, из которых «Яндекс.Автопоэт» складывает стихотворение) представляет собой результат креации антропоного автора, вторая же демонстрирует собственно «вторичный поэзис», в котором цифровой автор имитирует процедуры естественного речепорождения и таким образом осуществляет «подражание подражанию». По своей коммуникативной

¹ Нейросеть, обученная на массиве текстов А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, М.А. Булгакова и В.О. Пелевина (разработчик М. Гранкин).

² Нейросеть создана «Яндексом» в семействе YaLM, предоставляет пользователю возможность выбора стилистических фильтров («Без стиля», «Инструкции по применению», «Рецепты», «Народные мудрости» и др.), генерация текстов с учетом которых дает ощутимо различающиеся результаты.

³ Робот генерирует метрически и строфически упорядоченные рифмованные тексты из поисковых запросов «Яндекса» и из новостных заголовков по заданным формальным параметрам: онегинская строфа, лимерик, хокку и др. На момент проведения эксперимента с нейросетью (весна 2023 г.) «Яндекс.Автопоэт» был недоступен для пользования, однако результаты его «нейротворчества» широко представлены в сети Интернет, откуда были взяты для эксперимента; в настоящее время возможности «Яндекс.Автопоэта» интегрированы в голосовой ассистент «Алиса».

онтологии такие тексты чем-то родственны жанровой модели баттла — но не в значении «битва», «соревнование», а в проекции на рэп-баттл как форму коммуникативного события, предполагающую участие двух равноправных субъектов, которые состязаются в поэтическом мастерстве и осуществляют *диалоговое взаимодействие* через обмен репликами. Мы можем исходить из того, что человек и машина, антропный и цифровой авторы равноправны как агенты поэтического высказывания — нейропоэзия есть результат особого рода коллаборации, рождающей, как в рэп-баттле, единое пространство поэтического.

Творчество нейросети в известном смысле есть воплощенная метафора спонтанности и уникальности любого поэтического акта: нейросеть представляет собой бесконечный генератор абсолютно окказиональных текстов, в каждой процедуре текстопорождения она создает результат, повторить который на следующих итерациях уже фактически невозможно. Вместе с тем эти результаты далеко не всегда удовлетворительны: предлагая свое продолжение текста-стимула, нейросеть может сгенерировать как текст, в достаточной мере коррелирующий с текстом-стимулом, так и семантически и / или грамматически неполноценный фрагмент. Отбор результатов, которые могут быть оценены как релевантные, целиком является прерогативой антропного автора, то есть человека — именно человек, взаимодействуя с нейросетью, выискивает из возможных вариантов соответствующие его представлениям о художественности, его эстетическим конвенциям, наделяя их атрибутом «(квази)художественное высказывание». Как замечает писатель и журналист Ф. Сандалов, работа с нейросетью чем-то сродни работе редактора с опытным автором-профессионалом, которому не жалко выбрасывать свои находки, потому что он тут же придумает нову: «Нейросеть — как супер-профессиональный автор: ее можно заставлять переписывать саму себя, саму себя редактировать до позеленения» (см.: Скоринкин, 2023); еще одна возможная в данном случае аналогия — восприятие результатов «нейротворчества» как своего рода черновика.

В творческой коллаборации с нейросетью человек выступает как ее *предел* (поскольку берет на себя функцию верификатора результатов) и как *фильтр* (поскольку обеспечивает отбор того, чему присваивается атрибут «быть художественным текстом»). Все это создает новую модель коммуникации, в которой привычная коммуникативная интеракция между автором и читателем через посредство художественного текста дополняется еще одним вложенным звеном — «как-бы-коммуникацией» антропного и цифрового соавторов, этот текст динамически формирующих. Подобная коммуникативная модель может быть рассмотрена в фокусе акторно-сетевой теории Бруно Латура как процесс, в котором нейросеть уже перестает быть пассивным инструментом, используемым человеком, и сама приобретает черты субъектности. В общей логике таких отношений, где техносреда, с помощью которой (и в диалоге с которой) человек осуществляет акт творчества, оказывает на него непосредственное влияние и по сути меняет конвенции самого

эстетического, «остается открытым вопрос, обращаемся ли мы к нечеловеческому, когда взаимодействуем, к примеру, с той же нейросетью, или речь идет об особым образом контейнированном “человеческом”?» (Фадеева, 2023, с. 108).

В случае с нейропоэзией этот вопрос получает дополнительное уточнение: чем мы руководствуемся, когда помещаем результаты работы нейросети (или — уточним — соработничества нейросети и человека) в эстетическую / поэтическую конвенцию и как происходит это помещение? Дает ли нейропоэзия как текст с «двойным поэзисом» возможность реципиенту увидеть «швы», различить антропное и цифровое высказывание или же, напротив, «удовольствие от текста» возникает именно тогда, когда цифровой автор обнаруживает подобие писательского таланта, когда результат «нейротворчества» совпадает с нашими эстетическими ожиданиями, а следовательно, когда дистанция между цифровым и антропным минимизируется и реципиент частично или полностью утрачивает возможность идентифицировать текст как цифровой или антропный?

Оригинальным случаем концептуализации подобной установки является кейс Павла Пепперштейна, создавшего в сотрудничестве с лингвистической моделью *ruGPT-3* сборник рассказов «Пытаясь проснуться» (2022). Как указано в редакторском предисловии к книге, «из 24 текстов в этом сборнике только половина принадлежит Пепперштейну — еще дюжину сочинил его цифровой “двойник”» (Пепперштейн, Пепперштейн Нейро, 2022, с. 9) — генеративная нейросеть, обученная на корпусе текстов Пепперштейна и названная разработчиками Нейро Пепперштейн (в выходных данных книги оно указано как имя соавтора). Техника работы Пепперштейна с нейросетью вполне отвечает жанровой логике баттла, в которой каждый следующий ход («раунд») в коллаборативном действии есть реакция на действие оппонента: после отбора редакторами текстов НейроПепперштейна «Павел познакомился с написанными машиной рассказами, прежде чем садиться писать свои, чтобы *не только алгоритм обучался писать на его прозе, но и наоборот*» (Там же, с. 10; курсив здесь и далее в цитатах наш. — Т.Ц., А. Ч.). Существенной частью концепции является и то, что принадлежащие антропному (Пепперштейн) и цифровому (нейросеть) авторам тексты даны в структуре книги вперемежку и без указания авторства — как подчеркивают составители, «мы не стали отнимать у читателей удовольствие угадывать, кому принадлежит тот или иной рассказ: человеку или машине»⁴ (Там же, с. 12); иначе говоря, возникновение эффекта читательской неуверенности в данном случае есть непосредственная художественная импликатура авторского замысла. Читатель помещает-

⁴ Эта рецептивная интрига дополнительно поддерживается тем, что любому читателю предлагается в гугл-форме выбрать, кто из двух соавторов написал тот или иной рассказ, после чего ему на электронную почту должен прийти (но так и не приходит!) правильный ответ. Издательство «Индивидуум» раскрывает интригу авторства в своем телеграм-канале (<https://t.me/individuumbooks/744>).

ся книгой в своего рода суперпозицию, в которой самой суть эстетического эффекта строится как наложение двух ее прочтений — попытки угадать авторство отдельных рассказов через сопоставление двух различных (насколько различных?..) дискурсивных и нарративных манер и прямо противоположного этому восприятия текста книги как единого целого.

По каким «следам» читатель может установить или хотя бы предположить авторство рассказов в книге Пепперштейна? Проиллюстрируем действие такого эффекта одним примером. Рассказ «Будни Пухлеванова» открывается нарративом, который вполне может быть воспринят как написанный антропным автором, ср.: «Поговорить со стариком Пухлевановым приходили многие. Константин Алексеевич был, в общем, доступен, и тем не менее — вокруг него образовалась аура недоступности, вокруг его особняка высились невидимые кордоны, его самого надо было подкарауливать, он не бывал ни в каких компаниях, кроме тех, которые созывались его женой, Ольгой Павловной...» (Там же, с. 49). Далее в развитие сюжета вводится следующий эпизод: «Однажды при наборе книги “Иван-да-Марья” его сильно ударило машиной по плечу. И при внимательном взгляде на него можно было заметить, что левой руки он не чувствует на месте, она у него как-то странно отвисала книзу. <...> Через некоторое время стало заметно, что левая рука у него постоянно затекает и малоподвижна, что он испытывает явную неловкость и мучится, если приходится долго держать ее в напряжении» (Там же, с. 54), — после чего в тексте возникает нарративный слом, формирующий абсурдирующие побочные сюжетные линии непосредственно из лексемы «рука», ср.: «Теперь же каждый раз, когда гости собирались у старика для очередного разговора, они доставали различные искусственные руки, которыми пользовался Константин Алексеевич в своей работе. При этом все они, изображая удивление, смотрели на Константина Алексеевича, а он смотрел на них, понимая, что все они — не более чем продолжение его руки, его доверители и сонаследники» (Там же) и далее: «Константин Алексеевич сам хотел выбрать себе помощника. Он долго думал, смотрел, примеривался и в конце концов остановился на Виталии Аристарховиче. Именно Виталий Аристархович должен был носить искусственную руку, которую Пухлянов (sic! — Т.Ц., А.Ч.) когда-то сам для себя сконструировал. Виталий Аристархович был молодой, но очень опытной рукой» (Там же, с. 55).

Такого рода сюжетные отступления, из которых разворачиваются объемные фрагменты текста, в рассказе «Будни Пухлеванова» регулярны — настолько, что их можно воспринимать не как единичные нарративные девиации, а как осознанный прием, общую нарративную технику, когда текст как будто постоянно убегает от самого себя, препятствует развитию связной фабулы и, подобно мифу, разворачивается из слова. Но этому явлению можно дать и принципиально иное объяснение: перед нами может быть доказательство работы нейросети, которая создает нарратив короткими фрагментами (это подтверждается работой с нейросетями «Порфирьевич» и «Балабоба»), не имея при этом

заранее существующей фабульной и нарративной программы, что и заставляет ее мультиплицировать отдельное слово в сюжетный ход. Наконец, можно подвергнуть текст сугубо аналитическим процедурам, следя за тем, например, как происходит трансформация грамматики в топику, как осуществляется семантическое варьирование тех или иных компонентов текста, как возникает напряжение между прямыми и переносными значениями слов и т.д. Какой из вариантов рецепции в итоге выбрать (а следовательно, как идентифицировать авторство рассказа) — этот вопрос для читателя остается полностью открытым, если только в его читательской компетенции нет точного предзнания об авторе.

Имеет ли читательская «неуверенность» при восприятии текстов подобного типа (то есть представляющих собой результат сотворчества цифрового и антропного авторов) сколько-нибудь устойчивый и прогнозируемый характер, как и чем настраивается читательская оптика в условиях, когда реципиент не знает, что перед ним нейротекст, либо знает об этом, но его знание ограниченное? Ответить на эти вопросы помогут результаты эксперимента, проведенного авторами статьи весной 2023 года. Респондентам (50 студентов БФУ им. И. Канта) было предложено дать комментарии к их восприятию некоторых нейротекстов. Эксперимент проводился в две итерации: на первом шаге респонденты не знали, что предложенный им текст создан нейросетью, на втором они были проинформированы о том, что нейросеть создавала продолжение оригинальных авторских текстов; вторая итерация эксперимента проводилась непосредственно после первой. Рассмотрим эти две ситуации.

СИТУАЦИЯ 1: поэтический текст, созданный роботом «Яндекс.Автопоэт», подвергнут антропным автором (организаторами эксперимента) премодерации, включающей отбор репрезентативного текста и его рекомбинацию. Для усиления возможной различимости частей текста, полностью принадлежащих цифровому автору и носящих следы антропного вмешательства (прогнозировалось, что это может быть замечено реципиентом), некоторые строки исходного текста были заменены местами, что частично имитировало онегинскую строфу (через узнаваемую модель рифмовки); кроме того, из текста «Яндекс.Автопоэта» были удалены две строки, которые вероятнее всего могли бы указать на то, что текст состоит из новостных заголовков:

«Яндекс.Автопоэт»

у госдумы появится собственный хор
в чебоксарах задержан грабитель и вор
мэр соседней самары покинул свой пост
депозитные ставки продолжили рост
на картине да винчи нашли скрытый слой
нерушимой стеной пропаганды стальной
дети питга и джоли хотят татуаж
за минувшие сутки раскрыто пять краж
коммунисты хотят избираться весной

мэтью перри совсем не следит за собой
безработный украл два ножа и парфюм
в зауралье замечен строительный бум
путин прибыл с рабочим визитом в пекин
во всех школах дзержинска введен карантин
беспилотники в зону несут героин
настоящая дружба не ищет причин

Текст, предложенный респондентам

у госдумы появится собственный хор
в чебоксарах задержан грабитель и вор
мэр соседней самары покинул свой пост
деPOSITные ставки продолжили рост

дети питта и джоли хотят татуаж
на картине да винчи нашли скрытый слой
за минувшие сутки раскрыто пять краж
нерушимой стеной пропаганды стальной

коммунисты хотят избираться весной
безработный украл два ножа и парфюм
в зауралье замечен строительный бум
мэтью перри совсем не следит за собой

во всех школах дзержинска введен карантин
настоящая дружба не ищет причин

Респондентам было предложено ответить на следующие вопросы: (1) *Определите основную тему данного текста.* (2) *Какие поэтические приемы использованы в данном тексте?* По итогам эксперимента только один человек, который ранее уже сталкивался с текстами «Яндекс.Автопозта», идентифицировал текст как продукт нейротворчества, в то время как все остальные респонденты так или иначе восприняли его как авторский (пусть и с неизвестным авторством) художественный текст. Данный эффект с большой долей вероятности можно объяснить тем, что в предложенном тексте имеются сильные маркеры поэтической функции — графическое членение, которое задает стиховую форму, и рифмовка, упорядоченная особым образом и имеющая прецедентный характер, то есть как раз те параметры, которые были внесены в нейротекст на этапе премодерации. Еще более показательным то, что почти половина (45 %) респондентов в своих реакциях на текст была склонна воспринимать новостной характер его семантики как тему и / или как авторский прием — среди ответов были интерпретации типа «Обобщенная рефлексия на современность», «Безысходность, транслируемая через новости», «Текст похож на современную сводку новостей в ее чуть утрированном и более правдивом варианте», «Выглядит как лента новостей канала Телеграм», «Последняя строфа: единственная ценность, что сохранилась».

Эти интерпретации, очевидно, демонстрируют у респондентов отчетливую тенденцию к семантизации текста, а следовательно, показы-

вают, что «средний» читатель, не знающий, что перед ним нейротекст, склонен применять к нему стандартные процедуры эстетической рецепции: руководствуясь презумпцией осмысленности поэтического текста, он пытается вычитать его смысл — или, что было бы точнее применительно к данной ситуации, — «вчитать» этот смысл в исходно асемантический текст. Если учесть, что каждая строка текста исходно представляет собой новостной заголовок, очевидным становится, что в зоне читательской рецепции фактически осуществляется претворение «обыденного» в «поэтическое», семантизация «обыденного» как «поэтического». Наконец, в целом подтверждаются ожидаемые результаты «баттла» между креативностью нейросети и креативностью антропоного автора: укороченность последней строфы — результат антропоного вмешательства в нейротекст — была опознана частью респондентов как семантический *point*, как позиция, по смыслу контрастная остальным строкам текста (ср.: «Последняя строфа: единственная ценность, что сохранилась»).

СИТУАЦИЯ 2: нейросети задана подводка (текст-стимул) в виде фрагмента реального художественного текста; нейросеть генерирует продолжение, обрабатывая исходный фрагмент, после чего экспериментаторы осуществляют премодерацию и отбор репрезентативных текстов, которые максимально соответствуют эстетическим ожиданиям и конвенциям. Отдельно отметим, что в качестве текстов-стимулов брались фрагменты произведений авторов, обладающих радикально различающимися идиостилиями (А. Платонов и В. Сорокин), а в качестве их цифровых соавторов были использованы две разные нейросети, имеющие, соответственно, разный технический «бэкграунд»: так, НС «Порфирьевич» обучена исключительно на художественных текстах, но их количество ограничено, тогда как НС «Балабоба» — на всех текстах любой стилистической и функциональной природы, которые индексирует «Яндекс».

Стоящая перед респондентами задача была сформулирована следующим образом: *Приведенные ниже тексты составлены из фрагментов авторских художественных текстов и фрагментов, дописанных нейросетью. Для каждого примера попытайтесь установить границу между фрагментом авторского текста и фрагментом, написанным нейросетью. Кратко сформулируйте, каким(-и) критерием(-ями) вы руководствовались при разделении текстов на фрагменты.*

В приведенных ниже примерах прямым шрифтом представлен фрагмент авторского оригинала, полужирным курсивом — продолжение, сгенерированное нейросетью:

(2.1.) Серо-голубое затишье перед рассветом, медленная лодка на тяжелом зеркале Денеж-озера, изумрудные каверны в кустах можжевельника, угрожающе ползущих к белой отмойне плеса. Настя повернула медную ручку балконной двери, толкнула. Толстое стекло поплыло вправо, дробя пейзаж торцевыми косыми гранями, беспощадно разрезая лодку на двенадцать частей. Влажная лавина утреннего воздуха навалилась, объяла, бесстыдно затекла под сорочку. Настя жадно потянула ноздрями и шагнула на

балкон. Он был пуст и холоден. Ничего, кроме пустого ночного пространства и тьмы, покрытой радужными звездами. Ветер колыхал за стёклами занавеси. Небо справа было много темней, чем слева, и в нем горел неяркоый прямоугольник окна. За окном, под уже начавшей бледнеть луной, угадывались туманные контуры сосен — сонная изломанность их крон и вкрадчивая медлительность первых ветвей. Пахло хвоей и еще — морем. Мимо окна быстро пролетел звук моторной лодки. Через несколько минут внизу тревожно скрипнул первый проснувшийся уключин. И вдруг завыл кто-то мотор. От лодочной станции, потом еще и сразу же стих. (В. Сорокин. Настя, НС «Порфирьевич»)

(2.2) Есть ветхие опушки у старых провинциальных городов. Туда люди приходят жить прямо из природы. Появляется человек — с тем зорким и до грусти изможденным лицом, который все может починить и оборудовать, но сам прожил жизнь необорудованно. Любое изделие, от сковородки до будильника, не миновало на своем веку рук этого человека. Не отказывался он также подкидывать подметки, лить волчью дробь и штамповать поддельные медали для продажи на сельских старинных ярмарках. Он не был ни художником, ни ювелиром, ни плодовитым писателем, ни искусным музыкантом. Но он умел делать все, и его умение было главным его достоинством. Так вот, этот человек, как и все люди, был одинок. И от одиночества, как все одинокие люди, страдал. Он страдал так, как могут страдать только люди от одиночества. И все же он был счастлив, потому что был по-детски уверен, что в мире есть люди, которые его любят. Люди любили его за то, что он делал вещи. За то, что умел их делать. (А. Платонов. Чевенгур, НС «Балабоба»)

Следует признать, что обе нейросети справились со своей задачей вполне удовлетворительно: продолжение текстов В. Сорокина и А. Платонова в целом релевантно текстам-стимулам, что исходно поставило респондентов в достаточно сложные условия (авторы и названия текстов-стимулов респондентам не назывались). В этой ситуации ответы респондентов по двум предложенным им текстам показательно расходятся: в случае Сорокина верно увидели границу фрагментов и мотивировали свой выбор 62 % опрошенных, тогда как при интерпретации Платонова правильные ответы дали лишь 28 % респондентов. В качестве мотивировок критерия установления границы в тексте Сорокина респонденты обращали внимание на короткое предложение «Он был пуст и холоден» (то есть опознали маркерный синтаксический переход между фрагментами), а также на избыточный лексический повтор в двух предложениях, открывающих фрагмент нейросети. Очевидно, к причинам (возможно, неосозанным) корректного опознания границ фрагментов можно также отнести логико-грамматическую девиацию в переходе от предложения «Настя жадно потянула ноздрями и шагнула на балкон» к «Он был пуст и холоден»: антропный автор не заменил бы локатор «балкон» местоимением «он», а скорее выбрал бы дейксис «там». При интерпретации текста Платонова, как правило, в качестве начала фрагмента нейротекста реципиенты ошибочно называли либо те позиции, где наглядно опознавалась сверхрегулярная и избыточная повторяемость (начиная с предложения «И от одиночества, как все одинокие люди, страдал»), либо предложение «Так вот, этот человек, как и

все люди, был одинок» (платоновский универсальный «человек» становится конкретным «этим человеком», что противоречит общей логике предшествующего нарратива). Можно лишь предположить, что обнаружившаяся в эксперименте сложность различения фрагментов текстов Платонова и нейросети кроется в самой специфике платоновского стиля: то ли Платонов пишет как нейросеть, то ли нейросеть пишет как Платонов⁵. Но в любом случае можно говорить о том, что стилиевые параметры исходного авторского текста не только влияют на текстопорождение нейросети, но и определенным образом предопределяют читательскую интуицию, задают координаты для понимания текста.

Подводя некоторые итоги, еще раз вернемся к предложенной метафоре взаимодействия цифрового и антропоного авторов как баттла. Рассмотренные примеры, как представляется, позволяют перевести эту метафору еще в одну плоскость: баттл между человеком и нейросетью может быть осмыслен также как баттл между потенциалом естественного и искусственного поэтических языков, а в еще более широкой перспективе — как баттл читателя с самим языком и глубинными механизмами эстетической рецепции.

Список литературы

Орехов Б., Успенский П. Гальванизация автора, или эксперимент с нейронной поэзией // Новый мир. 2018. №6. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2018_6/Content/Publication6_6935/Default.aspx (дата обращения: 10.08.2022).

Пептерштейн П., Пептерштейн Нейро. Пытаясь проснуться. М., 2022.

Скоринкин Д. Как писать художественные тексты с нейросетями и не облажаться // Писатели vs. нейросети — спецпроект о современных технологиях в литературе [2023]. URL: <https://podtext.media/guide-for-writers> (дата обращения: 18.12.2023).

Фадеева Т. Е. «Союз» художника с нечеловеческим агентом — утопия или рабочая модель художественного производства? // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2023. Т. 25, №1 (88). С. 108–115.

Цвигун Т. В., Черняков А. Н. Нейропоэзия грамматики и нейрограмматика поэзии // Новое литературное обозрение. 2023а. №3 (181). С. 188–199.

Цвигун Т. В., Черняков А. Н. Хармс vs. Нейрохармс: нейросеть как лаборатория нарратива // Новый филологический вестник. 2023б. №4 (67). С. 80–92.

Об авторах

Татьяна Валентиновна Цвигун, кандидат филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: ttsvigun@kantiana.ru

⁵ Следует признать, что идиостилии авангардистского типа вообще обнаруживают много точек соприкосновения с текстами, порожденными нейросетями. Об эксперименте подобного типа см.: (Орехов, Успенский, 2018).

Алексей Николаевич Черняков, кандидат филологических наук, доцент,
Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград,
Россия.

E-mail: achernyakov@kantiana.ru

Для цитирования:

Цвигин Т.В., Черняков А.Н. Нейропоэзия как баттл поэтических языков // Слово.ру: балтийский акцент. 2024. Т. 15, №2. С. 112–123. doi: 10.5922/2225-5346-2024-2-7.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ
ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

NEURAL POETRY AS A BATTLE OF POETIC LANGUAGES

T. V. Tsvigun, A. N. Chernyakov

Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia

Submitted on 12.01.2024

Accepted on 22.02.2024

doi: 10.5922/2225-5346-2024-2-7

The article develops a view of neural networks as a tool for formulating and verifying philological hypotheses related to various aspects of the generation and reception of a literary text. The principles of aesthetic communication are analyzed, in which, thanks to the development of the modern technological environment, an anthropic author, a neural network and a recipient can participate equally. Neuropoetry is interpreted through the metaphor of a “battle of poetic languages” (in accordance with the conventions of the rap battle genre) – as a communicative field in which anthropic and digital authors interact as equal participants in the creative act, jointly forming new prerequisites for the reader’s perception of a literary text. The ‘co-creation’ of anthropic and digital authors is considered in terms of the actor-network theory of Latour. In interactions between a person and a neural network, the latter transcends its purely instrumental function and assumes features of subjectivity. It becomes an equal agent in generating a collective aesthetic statement. Neuropoetry, as a result of co-creation of this kind, is characterized by a double semiotic nature: one part of it is the result of the creation of an anthropic author, while the second demonstrates ‘secondary poetry’, in which the digital author imitates the procedures of natural speech generation. As a result, a new, complicated model of aesthetic communication is formed, complementing the standard positions of the communicative act (author – text – reader) with the level of communicative interaction of anthropic and digital co-authors. The recipient, in the situation of perceiving a text co-written by a person and a neural network, is involved in a complex interpretative game that activates the mechanisms of aesthetic reception, and the act of ‘neuro-creativity’ itself creates new forms of mimesis, which ceases to be ‘imitation of the world’ and becomes ‘imitation of imitation’.

Keywords: poetic language, neural network, reception, interpretation, mimesis

References

Fadeeva, T., 2023. "Union" of an artist with a non-human agent: Utopia or a working model of artistic production? *Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Social, Humanitarian, Biomedical Sciences*, 25 (1), pp. 108–115, <https://doi.org/10.37313/2413-9645-2023-25-88-108-115> (in Russ.).

Orekhov, B. and Uspensky, P., 2018. Galvanization of the author, or experiment with neural poetry. *Novyi mir* [New World], 6. Available at: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2018_6/Content/Publication6_6935/Default.aspx [Accessed 10 August 2022] (in Russ.).

Pepperstein, P. and Pepperstein Neuro, 2022. *Pytayas' prosnut'sya* [Trying to wake up]. Moscow (in Russ.).

Skorinkin, D., 2023. How to write literary texts with neural networks and not screw it up. In: *Pisateli vs. neuroseti – spetsproekt o sovremennykh tekhnologiyakh v literature* [Writers vs. neural networks – a special project about modern technologies in literature]. Available at: <https://podtext.media/guide-for-writers> [Accessed 18 December 2023] (in Russ.).

Tsvigun, T. and Chernyakov, A., 2023a. The Neural Poetry of Grammar and the Neural Grammar of Poetry. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 181, pp. 188–199, https://doi.org/10.53953/08696365_2023_181_3_188 (in Russ.).

Tsvigun, T. and Chernyakov, A., 2023b. Kharms vs. Neurokharms: neural network as a narrative laboratory. *The New Philological Bulletin*, 4 (67), pp. 80–92, <https://doi.org/10.54770/20729316-2023-4-76> (in Russ.).

The authors

Dr Tatiana V. Tsvigun, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: ttsvigun@kantiana.ru

Dr Alexey N. Chernyakov, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: achernyakov@kantiana.ru

To cite this article:

Tsvigun, T.V., Chernyakov, A.N., 2024, Neural poetry as a battle of poetic languages, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 15, no. 2, pp. 112–123. doi: 10.5922/2225-5346-2024-2-7.

